

26. Русская Православная Церковь при Александре II (1855-1881)

1. Святейший Синод и церковная политика правительства.....1
2. Издание русского перевода Библии в полном составе3
3. Духовное просвещение.....3

1. Святейший Синод и церковная политика правительства

Начало царствования Александра II (19 февраля 1855 г. – 1 марта 1881 г.) открыло период чрезвычайного оживления общественной жизни. Неудачный исход Крымской войны заставил наконец правительство обратить внимание на те недостатки государственного механизма николаевской эпохи, которые уже давно были ясны для многих в русском обществе, и осознать необходимость реформ, которые и были проведены, хотя далеко не в требуемом объеме. Тем не менее лед был сломан. Журналистика, расцветшая вследствие ослабления цензуры, стала на долгое время влиятельным фактором общественного мнения. На страницах журналов оживленно обсуждались вопросы, связанные с реформами. В духовных журналах, особенно с начала 50-х и в продолжение 60-х гг., также уделялось много места проблемам общества в целом. Здесь давало о себе знать чувство единства Церкви с обществом и народом, которое сформировалось ранее, но не могло найти выражения под давлением николаевской государственной машины. Наряду с общими рассуждениями в церковной прессе высказывалось и много полезных практических предложений. Конечно, на переднем плане находились вопросы, касавшиеся положения духовенства, но они всегда рассматривались в связи с общественной ситуацией в целом. Впервые в истории русской публицистики широко дискутировались вопросы о связи христианства, Церкви и духовенства с национальным, социальным и культурным развитием русского народа, указывалось на вытекающие отсюда обязанности Церкви и церковнослужителей. Состояние путей сообщения не позволяло журналам в достаточном количестве проникать в отдаленные уголки огромного государства. Этот недостаток восполнялся тем, что духовенство, вполне сознавая ответственность за свою паству, обращалось к упомянутым темам в своих проповедях. «Прииде час! – говорил тогдашний ректор Казанской Духовной Академии архимандрит Иоанн Соколов в своей новогодней проповеди 1859 г. – Может ли не сочувствовать этому времени Церковь? О! Церковь должна и готова тысячу раз повторять удар этого часа во все свои колокола, чтобы огласить все концы и углы России, чтобы пробудить все чувства русской души и во имя христианской истины и любви призвать всех сынов отечества к участию и содействию в общем, великом деле возрождения. И свои есть побуждения у Церкви. Давно–давно сама Церковь, в собственных недрах, страдает скорбями рождения, чувствуя слишком сильно потребность дать новую жизнь своим чадам духовным». Тот же проповедник, будучи уже епископом Смоленским, несколькими годами позже призывал не верить тем, кто уверяет, будто цель христианской веры – только в спасении души для будущей жизни, будто религиозный долг христианина никак не соприкасается с современностью. Отнюдь нет: «Мы (т.е. пастыри) обращаемся к общественному сознанию, к народной совести... мы будем только сопутствовать им светом христианской истины, возбуждать их вопросами, относящимися к разным предметам этой жизни, вызывать во имя высшей, христианской правды к обсуждению нравственных народных потребностей. Так бывает на исповеди частной, так пусть будет и в народной». Эти обращения Иоанна Соколова не были чем-то исключительным. В журналах мы найдем множество проповедей на тему «христианство и общественная жизнь». Особое внимание уделено ей в работах архимандрита Феодора Бухарева.

Епископ Иоанн Соколов называл эти годы «утром России», которое означало не только наступление «эпохи общественного возрождения», но и отмирание «старого» и «народение нового человека». Высокопоставленные лица также сознавали, что многие стороны церковной жизни требовали улучшения, даже если радикальные реформы и были неосуществимы. Некоторая безнадежность сквозит в словах митрополита Филарета Дроздова: «Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления». Тем не менее он использовал присутствие четырех митрополитов, четырех архиепископов и двух протопресвитеров на коронации Александра II в августе 1856 г. для того, чтобы предложить на обсуждение этого своеобразного Собора вопросы, которые, собственно говоря, уже давно следовало бы решить Святейшему Синоду. Речь шла о следующих пунктах: 1) сохранение достоинства и благоговения при совершении святых Таинств; 2) больше красоты и благолепия при богослужениях; 3) увеличение числа епархий и викариатств; 4) усиление борьбы против старообрядцев. Кроме того, митрополит вновь поднял старый вопрос о снятии запрета на перевод Библии на русский язык. В принципе собрание одобрило предлагавшиеся меры.

В 1856 г. Казанский митрополит Григорий Постников возглавил Петербургскую и Новгородскую епархии и стал первоиерархом в Святейшем Синоде. 1 октября 1856 г. обер-прокурором был назначен генерал-лейтенант граф А.П. Толстой. А.Н. Муравьев подал ему докладную записку «О состоянии православной Церкви в России», в которой шла речь о

«стесненном положении Церкви», о восстановлении Патриаршества и ограничении власти обер-прокуроров. Протопресвитер В.Б. Бажанов, обер-священник гвардии и гренадеров, духовник царя и законоучитель царских детей, который даже при Протасове умел сохранить довольно независимое положение, позаботился о том, чтобы до обсуждения в Синоде записка была представлена на заключение митрополиту Филарету. «Хорошо было бы, – писал старец митрополит по этому поводу, – не уничтожать патриарха и не колебать тем иерархии, но восстанавливать патриарха было бы не очень удобно: едва ли был бы он полезнее Синода. Если светская власть начала тяготеть над духовною, почему один патриарх тверже вынес бы сию тягость, нежели Синод? И при Вселенском патриархе нужным оказался Синод, и в России есть Синод. Очень велика разность в том, что в России первенствующий член Святейшего Синода не называется патриархом? Это по крайней мере требует исследования, а не ведет к решительному осуждению того, что Синод остался. Было время, когда в России не было ни патриарха, ни Синода, а только митрополит. Но власть светская искренно чтит духовную власть и ее правила, и сия имела более удобства действовать с ревностию и одушевлением. Вот в чем дело!». Созыв Поместного Собора Филарет считал полезным, если Собор будет проведен искусно и верно. Неясно, сдержанная ли критика Филарета или собственные соображения побудили обер-прокурора похоронить записку Муравьева в своем архиве, так и не предприняв ничего для устранения «стесненного положения» синодального управления.

Церковная иерархия не высказывала никаких реформистских устремлений, которые могли бы оказать давление на обер-прокурора. «Стесненное положение» Святейшего Синода рассматривалось как неизлечимая болезнь, и исцеления ждали только от государственной власти, а не от свободной инициативы со стороны Церкви. Целые поколения епископов выросли под сенью авторитета Филарета, призывавшего их к осторожности и уважению государственной власти. К нему, как к последней инстанции, для решения всяких недоумений обращались с вопросами и Святейший Синод, и разные государственные ведомства, и сама верховная власть. Свт. Филарет поддерживал императора Александра II в сложные периоды его личной жизни. Так в 1865 г. в связи со скоропостижной кончиной его сына Николая святитель утешал его словами письма: «Молю Всеблагото Бога Отца и Воплощенного Сына Его, безмерными скорбями искушенного, для облегчения наших скорбей, Пречистую Матерь Его, испытавшую беспримерные материнские скорби, да великая родительская печаль Ваших Императорских Величеств благодатным утешением будет растворена, облегчена, услаждена, и лишение, которое потерпела ваша родительская любовь, будет вознаграждено в благоверных чадах Ваших, которых благость Божия Вам сохраняет». Теперь преувеличенный консерватизм епископов во всяком стремлении исправить господствовавшую систему заставлял усматривать симптом либерализма и отступления от православной традиции.

Консервативные настроения духовенства проявились в 1870-1872 гг., когда обер-прокурор граф Д.А. Толстой намеревался провести реформу духовного суда. В 1870 г. при Святейшем Синоде был образован совещательный комитет по реформе под руководством архиепископа Макария Булгакова. В обществе внимательно следили за его деятельностью, которая оживленно обсуждалась в прессе. В комитете с момента его основания имели место острые противоречия между либеральным большинством во главе с председательствующим и консервативным меньшинством, сплотившимся вокруг профессора церковного права Московской Академии А.Ф. Лаврова-Платонова, позднее архиепископа Литовского Алексия. За время своей деятельности комитет обсудил не менее четырех законопроектов. В окончательном варианте предлагалось отделить судебную власть от исполнительной: судьи духовного звания не имели права занимать административные должности. Низшую инстанцию должны были составить епархиальные суды, по несколько в каждой епархии; в качестве судей в них выступали священники, утверждавшиеся в этой должности епископом. В их компетенцию входили следующие наказания: 1) замечание, 2) выговор без занесения в послужной список, 3) денежный штраф, 4) ссылка в монастырь на срок до трех месяцев, 5) выговор с занесением в послужной список. Следующей инстанцией должен был стать духовно-окружной суд, единый для нескольких епархий, судьи которого избирались бы в епархиях и утверждались епископами. Этот суд был задуман как апелляция инстанция. Кроме того, он должен был выносить приговоры по более серьезным делам, когда обвинение исходило от епископа. Его приговор можно было обжаловать в Святейшем Синоде. Наивысшей инстанцией было Судебное отделение Святейшего Синода, судьями в котором выступали епископы и священники, назначавшиеся на эту должность императором в отношении 3:1. К компетенции Судебного отделения относились: все дела по обвинениям епископов и протопресвитера военного флота, дела против членов синодальных контор, судебные преступления членов духовно-окружных судов и апелляция дела. Члены Святейшего Синода подлежали суду единственной инстанции – совместной сессии Присутствия Синода и его Судебного отделения. Прежде чем закончилась работа над проектом, профессор А.Ф. Лавров опубликовал исследование под названием «Предполагаемая реформа церковного суда» и ряд статей в «Прибавлениях к Творениям святых отцов». Он подверг проект комитета суровой критике, которая дала канонические аргументы в руки противников реформы. В 1873 г. проект был препровожден для обсуждения епархиальным

архиереям и консисториям. Их позиция оказалась отрицательной. В результате столь единодушного неприятия епископатом судебная реформа не состоялась и проект ее был погребен в синодальных архивах. Только Предсоборное Присутствие возобновило в 1906 г. дискуссию о судебной реформе в Церкви.

Консервативно повели себя иерархи и по отношению к реформе духовных училищ в 60-х гг., ограничивавшей влияние епископов. Толстой считал, что реформа духовных училищ необходима, особенно после реформы светских учебных заведений, уже проведенной в 60-х гг. Он не был свободен от предубеждений против архиереев, когда предпринимал свои меры по преобразованию совершенно устаревшего епархиального управления и пытался избавить белое духовенство от деспотического произвола епископов, никак не покушаясь, впрочем, на авторитет последних. Толстой много сделал для приходского духовенства как в правовом, так и в материальном отношении, и надо признать, что эти реформы являются заслугой не церковного руководства, а целиком и полностью государственной власти.

После митрополита Филарета Дроздова Московским митрополитом был поставлен Иннокентий Вениаминов (1867-1879), успевший прославиться своей миссионерской деятельностью. По некоторым сведениям, он был инициатором созыва Поместного Собора российских епископов, который на практике ничем не закончился. Все проекты коренной церковной реформы были отложены почти на столетия, хотя критика синодальной системы не прекращалась.

2. Издание русского перевода Библии в полном составе

В 1856 и 1857 гг., при новых обстоятельствах, мысль об издании русского перевода Библии поднялась снова. Во главе предприятия встал опять митрополит Филарет Московский и с ним новый петербургский митрополит Григорий. Филарет Киевский и теперь был против русского перевода, но его голос уже не был принят во внимание. Вскоре после его кончины в Святейший Синод в конце 1857 г. состоялось определение о разрешении перевода Библии на русский язык «для домашнего употребления и пособия к уразумению Священного Писания». Перевод был поручен академиям и начат с Нового Завета. Митрополит Филарет внимательно следил за работой переводчиков и пересматривал каждую ее часть. Потом она рассматривалась и Святейшим Синодом. В 1860 г., с благословения Синода, был издан перевод Четвероевангелия, а в 1863 г. всего Нового Завета. Перевод Ветхого Завета готовился по частям с 1860 г. частными изданиями трудов разных переводчиков и академии в духовных журналах и отдельных книгах. Для синодального издания он производился в особом комитете из профессоров Петербургской академии, но рассматривался конференциями и другими академий. Окончательный его пересмотр принадлежал Святейшему Синоду и особенно членам его митрополиту Исидору и протопресвитеру Бажанову. В 1868 г. вышла первая его часть, а к 1875 г. четвертая последняя; в 1877 г. он был напечатан в полном составе Библии.

3. Духовное просвещение

Переворот в общественном мнении в первые годы царствования Александра II не мог не затронуть и духовное образование. Студенты проявляли живой интерес к вопросам общественной жизни и к светской публицистике, особенно к дискуссиям на эти темы на страницах возникавших тогда новых журналов. В семинарии были заронены, по выражению митрополита Филарета, «семена демократии». Семинаристы зачитывались не только запрещенными журналами и брошюрами, но и произведениями немецкой либеральной теологии и даже философского материализма, например Фейербахом.

Среди профессуры убежденность в необходимости новой реформы была широко распространена, хотя ясное представление о ее целях отсутствовало. Времена настолько изменились, что нужны были какие-то новые подходы к реформированию как учебных программ, так и системы воспитания в целом. Кроме того, из-за недостаточного финансирования невыносимым стало и материальное положение духовных школ. Это относилось в первую очередь к нуждавшимся государственным стипендиатам, состоянию учебных корпусов семинарий и уездных духовных училищ, нищенским окладам учителей, которые покидали свои места в поисках другой работы, и прочим многочисленным недостаткам. В обер-прокурорство Протасова резко усилилась бюрократизация системы духовного образования.

При таком положении вещей становится вполне понятным, почему либеральная внутренняя политика Александра II оказала столь сильное и непосредственное воздействие на духовную школу, да и на настроения духовенства. Последним толчком к реорганизации духовного образования послужили начавшиеся в 60-х гг. коренные реформы светских учебных заведений, сделавшие отставание застывших на николаевском уровне духовных школ особенно заметным. Граф Д.А. Толстой, объединивший в своем лице должности министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода, стремился применить принципы реформы светской школы и к области школы духовной. В начале правления Александра II были смягчены цензурные предписания. Начали выходить новые журналы, в том числе и церковные, сразу же выступившие с

критикой недостатков в духовно-училищной системе. В 1860 г. митрополит Филарет Дроздов писал, что в критике со стороны общественного мнения «являются мысли односторонние, порывистые, заносчивые. Рассуждающие о России в разных отношениях от крайности самовосхваления переходят к крайности всеосуждения. Вместо скромного обличения несовершенств и недостатков произносятся оскорбительные порицания и грубые насмешки». При этом митрополит призывал: «следует первоначально нам самим во многом измениться, многое пересоздать и от многого старого и дряхлеющего отрешиться».

Святейший Синод учредил в 1860 г. Комитет по соображениям о преобразовании духовных училищ под председательством Херсонского архиепископа Дмитрия Муретова, который в начале 1863 г. представил проекты уставов духовных училищ и семинарий, учебных программ семинарий и инструкции для надзирателей в семинарских общежитиях. Эти проекты были разосланы епархиальным архиереям, академиям и семинариям для обсуждения, которое затянулось до 1866 г. В некоторых местах специально для этой цели были организованы комитеты с участием местного духовенства. Назначенный в 1866 г. обер-прокурором граф Д. А. Толстой распустил комитет архиепископа Дмитрия «за неимением денежных средств», а затем испросил и получил от императора дополнительные ассигнования на нужды духовных школ в размере 1500000 руб., добившись при этом высочайшего согласия на создание нового комитета, который собрался 19 марта 1866 г.; перед ним стояла задача ускоренного проведения реформ. В компетенции комитета входило: 1) введение новых уставов в духовных учебных заведениях; 2) меры по усовершенствованию этих уставов в случае необходимости; 3) учебные программы, учебные пособия и обработка годовых отчетов, представляемых учебными заведениями; 4) открытие школ для дочерей духовенства; 5) формирование учебных библиотек и издание соответствующих книг. Кроме того, комитет был обязан «обсуждать дела, касающиеся духовного просвещения».

Согласно опубликованным в 1867 г. Уставам духовных училищ и семинарий, так же как и Уставам академий, вступившим в силу в 1869 г., окружные академические управления, которым до тех пор подчинялись семинарии и духовные училища, упразднены. По вопросам воспитания и обучения в академиях были учреждены специальные советы, вопросы же хозяйственного свойства решались на заседаниях правлений. Семинарии и духовные училища теперь возглавлялись правлениями, состоявшими из представителей преподавательского состава и епархиального духовенства. Учителя и другие должностные лица становились в определенной своей части выборными. Должности ректоров во всех духовных учебных заведениях, включая академии, были отныне открыты и для белого духовенства.

Программа духовных училищ была рассчитана на четыре года. Принимались учащиеся из всех сословий, по окончании училища они имели право поступать не только в семинарии, но и в светские учебные заведения. Учебная программа включала следующие предметы: библейскую историю Ветхого и Нового Заветов, катехизис, богослужение, церковный устав, русский, церковнославянский, латинский и греческий языки, арифметику, географию, каллиграфию и церковное пение.

В семинарию могли поступить юноши в возрасте от 14 лет, закончившие духовное училище; получившие домашнее образование должны были сдавать приемные экзамены, но в старший класс они не принимались. Все семинарии были обязаны организовать общежития как для казеннокоштных, так и для своекоштных учеников. Сдача выпускного экзамена давала право на место священника. Лучшим ученикам предоставлялась возможность продолжать учебу в академии. Программа шести классов семинарии включала в себя: 1) толкование Священного Писания Ветхого и Нового Заветов; 2) общую и русскую церковную историю; 3) богословие — введение в богословие, догматику и этику; 4) практическое пастырское богословие; 5) гомилетику; 6) литургику; 7) русскую литературу и историю литературы; 8) светскую историю, как всеобщую, так и русскую; 9) математику (алгебру, геометрию, тригонометрию) и основы пасхалии; 10) физику и основы космографии; 11) философию (логику, психологию, обзор философских систем и педагогику); 12) языки: латынь, греческий, французский и немецкий; 13) церковное пение. Преподавание древнееврейского языка и иконописания было факультативным. Французский или немецкий языки изучались по выбору. Перевод в следующий класс происходил на основе годового переходного экзамена. Воспитание, согласно Уставу, должно было осуществляться в духе Православной Церкви. Ученики обязаны были посещать богослужения, ежегодно причащаться и соблюдать предписанные Церковью посты. В общежитиях казеннокоштные учащиеся находились на полном пансионе, тогда как остальные должны были вносить плату, которая устанавливалась правлением и в зависимости от местных условий в разных семинариях была весьма различной. Одежда семинаристов была единообразной, но специальной формы пока еще не было.

В 1868 г. был опубликован и новый Устав епархиальных женских училищ. Их учебные программы были несколько обширнее, нежели программы духовных училищ, и рассчитаны на шесть лет. Преподавалась всеобщая и русская история, греческий и латинский языки были исключены, а вместо Священного Писания изучалась библейская история, и т. п., дополнительным предметом вводилось рукоделие. Сверх того, разрешалось открывать подготовительные и педагогические

классы, если духовенство желало этого и гарантировало дополнительные средства. Содержание епархиальных женских училищ, как правило, целиком ложилось на епархии, подчинялись они епархиальным съездам и епархиальным архиереям. К концу правления императора Александра II существовало уже 47 таких училищ, из которых 12 содержались непосредственно на средства Святейшего Синода. Их значение для народного образования было тем больше, что туда за особую плату могли поступать и девушки из недуховных сословий. Их выпускницы плодотворно трудились, учительствуя в церковноприходских школах, число которых резко увеличилось при Александре III, а также в земских школах и других учебных заведениях.

До реформы имелось 50 семинарий с 11620 учащимися и 186 духовных училищ с 36610 учениками. В ходе реформы к 1871 г. были открыты три новых духовных училища и одна семинария (Донская семинария в Новочеркасске). Число семинаристов достигло 13385, тогда как количество учеников духовных училищ, напротив, упало до 27053, так как духовенство под влиянием общественного мнения стало чаще отдавать своих детей в светские учебные заведения, главным образом в гимназии.

30 мая 1869 г. был выработан и высочайше утвержден Устав духовных академий. После введения в действие новый учебный план Устава принес много добрых и ценных плодов. В новом Уставе предметы были разделены на общеобязательные и отделенские, т.е. изучавшиеся на одном из трех отделений: богословском, церковно-историческом и церковно-практическом. К общеобязательным относились: 1) Священное Писание; 2) введение в богословие; 3) философия (логика, психология и метафизика); 4) история философии; 5) педагогика; 6) один из древних языков и литература на нем; 7) один из современных языков (французский, немецкий или английский). На богословском отделении изучались: 1) догматика и история догматов; 2) нравственное богословие; 3) сравнительное богословие; 4) патристика; 5) древнееврейский язык; 6) библейская археология. Следующие предметы были специальными на церковно-историческом отделении: 1) библейская история Ветхого и Нового Заветов; 2) всеобщая церковная история; 3) история Русской Церкви; 4) история и обличение русского раскола; 5) всеобщая светская история; 6) русская история. Соответственно на церковно-практическом отделении: 1) пастырское богословие; 2) гомилетика; 3) история проповеди в православной Церкви и на Западе; 4) церковная археология; 5) литургия; 6) церковное право; 7) теоретическое литературоведение и история русской литературы с обзором важнейших произведений зарубежных литератур; 8) русский и другие славянские языки. Устав разрешал с согласия Святейшего Синода вводить дополнительные предметы.

Обучение было рассчитано на четыре года. Все перечисленные дисциплины, как общеобязательные, так и входящие в программу отделений, проходились за три учебных года. По успешном окончании третьего курса студенту на основании квалификационной работы присваивалась степень кандидата богословия. На четвертый курс академии допускались лишь получившие отличные оценки на заключительном экзамене третьего курса. На четвертом курсе читались специальные практические лекции и под руководством профессоров студенты готовились к преподавательской деятельности в семинариях. При этом каждый студент мог выбирать интересующие его дисциплины – существенное улучшение сравнительно с прежним положением, когда личные интересы учащихся при выборе сферы преподавания во внимание не принимались. В то же время на четвертом году обучения писалась магистерская диссертация по избранной студентом специальности; после ее публичной защиты студент получал степень магистра богословия. Защита докторской диссертации давала право на ученую степень доктора богословия. При поступлении в академию предъявлялось свидетельство об успешном окончании семинарии или гимназии.

Согласно Уставу 1869 г., в академию могли быть приняты лица любого сословия, если они были православного вероисповедания, представили свидетельство об окончании семинарии или классической гимназии и выдержали экзамен. Академический совет имел право допускать к лекциям и вольнослушателей. Неимущие студенты при хорошей успеваемости могли учиться на казенный счет, а также жить в академии и получать стипендию. По окончании академии они должны были отслужить учителями по полтора года за каждый год обучения и только тогда при желании могли переходить на службу в другое ведомство.

Одновременно с Уставом академии получили и новые штаты, принесшие значительное увеличение профессорского жалованья, которое было уравнено с жалованьем университетских профессоров.

Устав 1869 г. открыл белому духовенству доступ к ректорству в академиях, ликвидировав тем самым гегемонию ученого монашества.